

цизма, во всей ее полноте. В этой связи вопрос о переводе, имеющий, на первый взгляд, чисто практическое значение, выявлял, как мы пытались показать, фундаментальные основания самого понимания литературы. Разность позиций в решении вопроса о точности перевода была связана с разностью понимания слова как такового и значения его в произведении литературы. Впрочем, эта проблема в статье только намечена, и ее решение требует специального и глубокого исследования. Пересмотр старой русской литературной традиции, в том числе и переводной, вероятно, никогда бы не достигнул того напряжения, каким отмечены споры первых русских классицистов, если бы одним из их участников, а вернее, по-видимому, зачинщиком не был Сумароков. Действительно, только с его возмужанием, наступившим к концу 1740-х гг., в России начинается интенсивная литературная жизнь, с критикой, спорами, руганью. Не знавший ни церковнославянского языка, ни старой науки поэзии, а вместе с тем и не прошедший университетских курсов, молодой Сумароков мог позволять себе высказывать мнения неосновательные и категоричные. Он был первым из русских авторов, кто смотрел на старую русскую литературную культуру со стороны и многое в ней не понимал и отвергал. Но как бы ни были «досадительны», по выражению Третьяковского, мнения Сумарокова, его неуемность и напористость приводили к обсуждению важных вопросов, к выяснению и утверждению принципов русского классицизма. Poleмика о переводе показывает, что они являлись не результатом прямого заимствования французских или немецких установлений, а рождались в обсуждении, спорах, в пробах и ошибках. При этом западная традиция русскими авторами учитывалась. Так, в своем отрицании стихотворного перевода Сумароков мог полагаться на мнение французских переводчиков и филологов, считавших, как и он, что стихотворные переводы не в состоянии передать поэзию подлинника, притом что они более искажают смысл, чем перевод прозаический. Поэтому во французской культуре к середине XVIII в. уже сложилась традиция прозаического перевода стихов, которая преобладает в ней и по сей день. Переводя поэтику Горация прозой, Третьяковский не только использовал французские переводы, но и опирался на французскую переводческую традицию. В переводе той же поэтики Поповский и стоявший за его спиной Ломоносов обратились к опыту немецкого классицизма. В немецкой литературной культуре царил существенно большее разнообразие в понимании перевода, чем во французской, да и сама она, в силу раздробленности Германии, не была единой. Классицисты, представлявшие нижнюю Германию, Саксонию и Пруссию, стихи стремились переводить стихами. Эта традиция осталась ведущей в немецкой поэзии и в дальнейшем. Спор русских поэтов о переводе приобретал, таким образом, оттенок спора о выборе веры. К чему склониться, к французским нормам перевода или к немецким. Бла-